

Корона сдавливала череп Рен Гринрок. Она старалась не морщиться, пока стояла на балконе дворца Анадона рядом с сестрой, глядя на королевство, за которое они так упорно боролись. Рен все еще не могла поверить, что оно ей принадлежит, по крайней мере, наполовину. Они с Розой договорились разделить правление.

Но все же ее нервы были на пределе. Она переживала все утро, готовилась к худшему. Учитывая события последних дней, которые привели к несчастной смерти жениха Розы — принца Гевры Анселя — в день их свадьбы и долгожданной кончине Виллема Ратборна, Рен не ожидала поддержки народа, но за золотыми воротами собралось ликующее море людей. Жители города Эшлинн и его окрестностей пришли пожелать близнецам всего наилучшего в день их коронации. Толпа была такой огромной, что растянулась до самого леса. Тысячи улыбающихся лиц смотрели на белый дворец, их радостные возгласы разносились по окрестностям летним ветром. Они пришли чествовать Рен и Розу — новых королев-близнецов Эаны.

Они стояли на балконе, одетые в лучшие платья, с новенькими коронами на голове, впитывая обожание людей, как солнечный свет. Они светились, как маяки, символ новой эры, где ведьмы и простой народ Эаны будут жить друг с другом в гармонии, а всем старым предрассудкам и люто-

му недоверию наконец будет положен конец. День обещания и возможности. Да, так и было бы, если бы только в голове Рен не стучало, как молотом по наковальне.

— Перестань хмуриться, — произнесла Роза уголками губ, — иначе все подумают, что ты несчастлива.

Рен искоса посмотрела на сестру. Улыбка Розы была широкой и лучезарной. Она не угасала уже целый час. И все это время девушка махала людям, держа руку высоко над головой, чтобы каждый мужчина, женщина и ребенок внизу могли видеть ее и знать, что им рады, что они любимы. Роза чувствовала себя на своем месте — она рождена для этого.

Рен никогда в жизни не ощущала себя такой неопытной. Поначалу улыбка давалась ей легко. Когда открыли двери на балкон и они слышали радостные возгласы, удивление наполнило ее приливом облегчения. Но теперь энергия иссякла. Она так долго улыбалась и махала, что устала, да и неудивительно: в конце концов, она выросла среди ведьм, на продуваемых всеми ветрами берегах Орты на западе, вдали от пышности и церемоний дворца Анадон и того терпения и приличий, что ожидают от принцессы.

— Как долго мы будем стоять здесь? — прошипела она. — Волнение вызывает у меня зверский аппетит. И у меня болит голова.

Роза взяла Рен за руку и сжала ее: теплый импульс пробежал вверх по руке Рен — так работала магия исцеления. Спустя мгновение головная боль Рен прошла.

— Все, — выдохнула Роза, когда отпустила ее, — больше не жалуйся.

Рен вымучила улыбку и продолжила махать рукой. Головная боль отступила, но в груди расцветала давящая боль. Обладающая магией исцеления Роза не смогла облегчить сердечную боль, которая расцветала внутри Рен, как темный цветок, напоминающая ей о Банбе. Не прошло и дня с тех пор, как ее бесстрашную бабушку со стальными глазами похитили из загоревшегося святилища король Аларик и безжалостные солдаты Гевры. Бабушку затащили на ко-

рабль, прежде чем Рен догнала ее. Осознание несправедливости произошедшего извивалось внутри ее, как змея.

Рен стала королевой — этого всегда хотела бабушка, но Банба не увидела этого, так как стала пленницей Аларика, молодого, жестокого короля северного континента, который питал темное влечение к ведьмам. Но Рен намеревалась изменить это. Она поклялась себе и Розе, что найдет способ спасти бабушку из ледяной пасти Гевры... как только закончит улыбаться и махать рукой.

Рен уловила момент, когда взгляд Розы скользнул вниз, во внутренний двор, где Шен Ло полулежал на краю фонтана около входа во дворец. Одной рукой он прикрывал глаза от солнца, а другую опустил в кристально чистую воду.

По его ухмылке Рен понимала, что он не спал. Ей не нужно видеть его глаза, чтобы понять, что он наслаждался видом сияющей Розы в ее естественном состоянии. И наблюдал за Рен, извивающейся, как рыба, вытащенная из воды.

— Рен, смотри! — вскрикнула Роза, схватив сестру за руку. — Они забрасывают двор цветами!

Рен увидела, как на землю упала ярко-красная роза, а затем еще одна и еще. Теперь на дорожках лежали розовые, желтые, красные и пурпурные цветы, они продолжали лететь из-за ворот.

— Розы, — усмехнулась Рен, — они действительно любят тебя.

— Тебя они тоже полюбят, — отреагировала Роза, посылая воздушный поцелуй толпе. Раздались одобрительные возгласы. Роза немного покраснела и послала еще один поцелуй. — Как только узнают тебя.

— Главное, чтобы они не начали швырять мертвых ирен через ворота.

— Ой, не ворчи.

Рен устроила шоу, послав воздушный поцелуй толпе. Раздались громкие возгласы и улюлюканье. Шен смеялся, его зубы сверкали в лучах слеполюденного солнца.

— Это в самом деле просто, — сказала Рен, посылая очередной поцелуй, — может, мне стоит сделать кувырок.

— Не смей! — Роза схватила сестру за локоть.

Рен разразилась смехом.

В этот момент толпа хлынула вперед, заставив ворота скрипеть, когда единственный гнилой помидор пролетел над прутьями ворот. Он парил, словно в замедленной съемке, становясь все больше по мере приближения к ним. К счастью, не долетев до балкона, он со шлепком приземлился во внутреннем дворе.

— Долой ведьм! — надрывный крик перекрыл радостные возгласы.

Шен резко выпрямился. Улыбка Розы дрогнула. Рен перестала махать.

— Я думаю, на сегодня мы закончили.

— Не обращай внимания, — сказала Роза, быстро овладев собой. — Это всего лишь один помидор.

— Уже два, — сказала Рен, когда еще один гнилой овощ залетел во двор. Она видела, что Шен бежит вдоль забора, пытаясь разглядеть протестующего в толпе или, возможно, определить, сколько их. Толпа все еще рвалась вперед, как будто что-то или кто-то подталкивает их.

Когда второй помидор упал в фонтан, Роза сделала шаг назад.

— Ладно, — произнесла она и послала последний театральный воздушный поцелуй толпе. Раздался еще один возглас, заглушивший следующий крик, но Рен была готова поклясться, что слышала слово «ведьма». Близнецы ретировались с балкона, они обе изображали веселый смех, пока не вернулись в тронный зал и балконные двери не захлопнулись за ними. Они перестали смеяться.

— Что ж, это настораживает, — отметила Рен.

— Пустая трата еды, — поморщилась Роза

— Я знала, что радостные возгласы слишком хороши, чтобы быть правдой. — Рен сбивает корону с головы. Вот так гораздо лучше. — Эана не хочет, чтобы ею правили ведьмы, Роза, даже если эти ведьмы им хорошо знакомы. Роза отмахнулась от сестры:

— О, прошу! Этот маленький протест не стоит нашего внимания. Не надо так драматизировать.

Но Рен ничего не могла с собой поделать. Без Банбы все казалось извращенным, неправильным. Внутри у нее разливалась пустота, и два простых слова «Долой ведьм» только ухудшали ее состояние.

— Я просто стараюсь быть реалисткой. — Шаги Рен эхом отдавались по самому большому во дворце залу, пока она шла к трону. Потолок был покрыт сверкающим сусальным золотом, стены увешаны написанными маслом картинами в позолоченных рамах, а изумрудные портьеры добавляли комнате немного тепла. Пару часов назад он кишел посланниками и дворянами со всех уголков страны, а также ведьмами Орты, но сейчас в нем находились лишь близнецы и стражники, охраняющих их.

Рен опустилась на бархатное сиденье и ущипнула себя за переносицу, пытаясь успокоить беспокойные мысли. Виллем Ратборн умер, но оставил им в наследство множество проблем. Дыхание Короля восемнадцать лет проповедовал ту же ненависть, что и давно умерший Защитник королевства, настраивая страну против ведьм. Рен и Розе придется сделать нечто большее, чем просто помахать рукой с балкона в течение нескольких часов, чтобы все исправить. И, пока они ничего не предпримут, ведьмам, которые прибыли из Орты всего несколько дней назад, придется оставаться в Анадоне, где они смогут защититься от тех жителей королевства, которые желают им зла.

Рен помассировала виски, чтобы избавиться от нового приступа боли. Если бы их бабушка была здесь, они точно знали бы, что делать. Банба положила бы руку на плечо Рен и прида-ла ей сил несколькими словами, как могла делать только она.

— Ты тоже думаешь о Банбе? — Роза внезапно оказалась перед Рен с обеспокоенным выражением на лице. — Неудивительно, что ты так волнуешься, но мы вернем ее.

— Когда? — нетерпеливо спросила Рен. — *Как?*

— Я пошлю стратегическое письмо королю Аларику. Как монарх монарху, — сказала Роза с такой уверенностью,

что Рен понадеялась, что это сработает. — Я полагаю, эмоции накалены до предела после смерти бедного Ансея. — Роза поморщилась при упоминании принца, без сомнения, вспомнив, как отчаянно она пыталась спасти его, но потерпела неудачу. — Возможно, немного дипломатии и хорошо сформулированные извинения пойдут миру на пользу. Я выясню, готов ли он начать переговоры об освобождении Банбы. Как только толпа рассеется, сразу же спущусь в конюшню.

— Я пойду с тобой.

— Лучше оставь дипломатию мне. — Роза похлопала сестру по руке. — Ты можешь быть королевой, но тебе потребуется время, чтобы понять, что значит быть королевской особой.

Рен посмотрела на сестру:

— Что ты имеешь в виду?

— То, что я вижу кинжал, выглядывающий у тебя из-за корсажа, и я знаю, что еще один пристегнут к твоей лодыжке, — беззлобно ответила Роза. — И в этих деликатных переговорах, моя дорогая сестра, перо будет *намного* сильнее меча.

— Ладно. Но если ты ошибаешься и с Банбой что-то случится, я всажу большой блестящий меч в ледяное сердце Аларика Фелсинга.

— Ох, Рен, я никогда не ошибаюсь. — Роза подобрала юбки и покинула зал, бросив через плечо обаятельную улыбку.

Спустя час после составления письма королю Аларику Роза с высоко поднятой головой шагала по коридорам дворца. Она кивала и улыбалась слугам и солдатам, делая вид что все прошло согласно ее плану и ее правление не имело настоящего ужасного начала.

Вернувшись в тронный зал, она приняла независимый вид перед Рен, чей нрав всегда кипел, готовый вспыхнуть пламенем. Роза чувствовала, как холодный язык страха коснулся пальцев и облизывает их, девушка понимала: если позволит поддаться ему, он поглотит ее. И она просто отбросила страх, как делала всегда.

Когда толпа разошлась, ей потребовались воздух и время, чтобы собраться с силами. Казалось, что каменные стены Анадона надвигаются на нее, и если она немедленно не выберется из дворца, то окажется в ловушке внутри его.

Роза толкнула дверь, которая вела во внутренний двор, но та не подавалась. Роза прикусила язык, чтобы не закричать от отчаяния, и уперлась плечом. Дверь со стоном открылась, и она оказалась на свежем послеполуденном воздухе.

Роза вошла в сад, сразу успокоившись от знакомой сладости роз. Сейчас они были на пике цветения, распускаясь одна за другой, как будто каждая из них пы-